

Бардин Николай

Дневник Адама

16+

Николай Николаевич Бардин

Дневник Адама.

Сборник стихотворений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43803146

SelfPub; 2019

Аннотация

Сборник стихов "Дневник Адама" рассказывает нам о переживаниях первой любви, разлуки, желании быть вместе и о невозможности быть вместе в связи с внешними проблемами. Название выбрано не случайно, так как каждый из нас подобно Адаму познает этот мир впервые. А любовь – это самое первое, искреннее и многогранное чувство, которое может испытывать человек.

Бардин Николай Николаевич. 09.03.1989 года рождения.
Музыкант, поэт, актер, режессер, рэп и рок исполнитель.

8 912 971 75 79 bardin_nikolai@mail.ru <https://vk.com/id27694438>

Дневник Адама

В каждом из нас живет Бог и Адам, вместе с Евой так же.

1

Первое слово имеет огромный вес.

Сказал мне однажды один мудрый бес.

Я поверил ему, открыл тетрадь, записал.

И мое первое слово было.... детский плачь.

Я родился и вырос. Прошел триста дорог.

Хотел быть похожим на многих, но, к сожалению, не смог.

Хотел быть похожим на тех, о ком я читал,

Но я так много читал, что забыл, кто есть я.

Я так много играл, что потерялся в толпе,

Среди масок и ликов, что были на мне.

И теперь я стою, обнажив свою плоть,

Чтобы вновь осознать, что я есть любовь.

2

Целую вечность я был один.

Целую вечность.

Один.

Вокруг меня была только пустота и тьма на десятки.

Нет.

Сотни тысяч миль.

Пустота.

Тьма внутри и вокруг меня.

Страх,

Который в образе змеи обволакивал мое сердце.

Но однажды вдалеке я увидел яркую точку, которая стремительно приближалась ко мне.

И я понял...

Это она.

Это она!

Та, ради которой я жил,

Ради которой терпел все это,

Ради которой буду жить.

Ты нужна мне.

Особенно сейчас.

Когда тебя нет.

Нет со мной.

3

Где она, та любовь, о которой я прочитал столько книг,

Пересмотрел множество фильмов?

Все мои чувства заканчивались в постели или после раз-

говора с той,

С кем хотелось быть вместе.

Но ведь она должна быть здесь, где-то рядом.

На расстоянии вытянутой руки, в сантиметре от мои пальцев.

Но почему-то когда я сжимаю ладонь, в моей руке остается лишь пустота.

Она снова ушла. И я снова один. В своей комнате.

С той, которую никогда не любил.

И, исходя из этого, я пришел к заключению, что любви нет в этой вселенной,

А за ее пределами я, к сожалению, не был.

Я искал ее. Искал в пределах своего города.

На рассвете поднимался на крышу, с надеждой, что увижу ее.

А на закате спускался. Ходил по дороге, заглядывая в лица прохожим,

Смотрел им в глаза, но не с чем возвращался назад.

Я искал ее. Писал ее письма, но не знал адреса.

Пытался звонить, но вместо голоса ее слышал гудки.

Кричал, но мне отвечали лишь птицы и шум машин.

Я искал ее, но не мог найти.

А я всегда была рядом, за твоею спиной.

Вместе с тобой поднималась на крышу.

Спускалась вместе с тобой.

Ходила за тобой по пятам смотрела в окна.
Пыталась увидеть то, что ты видишь.
Услышать то, что ты слышишь.
Но ты не видел меня, не замечал.
А я любила тебя, а ты все время кого-то искал,
Но, к сожалению, это была не я.

27

Я прыгаю в окно, не понимая, что это картина.

Вид за окном всего лишь картонный дом.

Моя горячо любимая жена Коломбина

Оказалась всего лишь смертью с косой.

Я с бледным лицом стою на пороге

Возле дома, в который мне входа нет.

Ищу невесту, что станет моей женою,

Но вместо лика её только тень.

Она скоро придет, но до её прихода

Не дожить так же, как не дожидаться рассвета.

Эта ночь не пройдет, автор оказался жестоким.

У автора, видимо, отсутствует сердце.

Она скоро придет, надо только дожидаться.

Надо только свести в объятиях руки.

Но больше нет сил, она уходит, а вместе с нею и счастье,

Которое было в руках всего лишь минуту.

Мы дождались – кричат безумцы с трибуны.

А ты слеп, если видишь в смерти свою невесту.

У нее коса, стучите в барабаны и бейте в бубны.

Мы дождались, а ты все ждешь свое чудо.

Ты будешь моей Евой, я стану твоим Адамом,
Только воровать яблоки мы будем не сегодня, а завтра.
И есть плоды с запретного дерева мы не будем больше.
Ведь и так слишком долго длится вся эта история.

Нас скоро выгонят из рая, оставив голыми среди толпы одетых людей.

И у нас нет времени собрать свои чемоданы, нас выгоняют, гонят из всех щелей.

Давай превратимся в птиц и улетим из города,
Обернемся в зверей и захватим лес.

Перепрыгнем забор и в огород к Господу
Воровать яблоки, которые нельзя есть.

Наедемся и уснем довольными здесь же на месте нашего преступления.

И может со временем кто-то увидит во мне героя,
А из тебя сделают богиню или принцессу.

Моя Ева, срывай с себя свое платье,
Нас не узнает никто, даже если мы будем без масок,
О нас не вспомнит никто, даже если мы будем стоять рядом,

И это пугает, правда, это пугает.

Моя Ева, срывай с себя все,

Нас скоро выгонят, и о нас не вспомнит никто.

Нас скоро выгонят из нашей уютной квартиры,
Оставив голыми среди толпы одетого мира.

Мы заберемся с тобой на дерево и будем есть яблоки,
Кидая огрызки в тех, кто будет на нас указывать пальцами,
Мы будем смеяться с тобой над этими дураками,
Сидя на ветках, питаясь запретными плодами.

7

Она была первой, а он последним,
Для нее и для всего мира.
Ее звали Евой и потому любила.
Все, что он говорил ей сидя на дереве.
И вот я в том же положении.
Передо мной она и ее глаза верные.
И именно поэтому я понимаю
Своего предка древнего.

Прошло вроде не так уж и много,
Тысяча, а может быть тысячи.
Но только дети о нас не помнят,
Нас нет, есть только дерево с листьями.
И города не те, которые были раньше,
И Бог не тот, которого помню,
Одни только мы и то в кустах спрятались,
Я не боюсь, слышишь, и ты то же не бойся.
Давай уже выйдем на улицу и пойдем вдоль дороге, держась за руки.
Все равно завтра о нас не вспомнят,

Но это лучше чем продолжать воровать яблоки,
Ведь он все так же следит за нами,
Спрятавшись среди листьев на дереве,
Так что хватит сидеть в кустах и есть яблоки,
Ведь уже даже обезьяны спустились с дерева.
Давай уже выйдем на улицу.
И пойдем вдоль дороги, держась за руки,
Все равно для нас этот мир всего лишь иллюзия,
Не мы умрем, его завтра не станет.
Давай уже выйдем на улицу
И пойдем вдоль дороги, держась за руки,
И на вопрос: «Наш где же ты Господи?»
Он ответит: «Все так же иду за вами».

9

Сотри мои стихи, что были написаны мелом,
Я начинаю забывать о том, о чем должен помнить.
Мой рот забит глиной и он заклеен.
И я не смог сказать тебе всего три слова.
Мой дом стал спичечным коробком,
Без тебя там пусто и как то мерзко,
Достань спичку, зажги огонь,
Ведь только так я смогу согреться.
Я готов дышать вместе с тобой,
Дышать одной тобой, жить в твоём теле,
Уснуть котенком у твоих ног,

И утонуть в глазах твоих словно в небе.
Ты не буди меня, слышишь, не буди.
Я буду спать рядом, заклеив рот,
А если я надоем тебе ты скажи,
И я уйду назад в свой спичечный коробок.

Мой дом стал спичечным коробком,
Я был подавлен, раздавлен тапком,
Но ты возьми меня молча в свою ладонь,
Я не растаю, нет, я расплачусь.
Возьми меня молча в свою ладонь,
Прижми меня к сердцу, и я расплачусь,
Я не уйду, я останусь с тобой.
В кармане пальто аккуратно спрячусь.
А если я надоем, ты скажи,
И я уйду, молча в осеннюю слякоть,
Залезу снова в свой коробок и буду там тихонечко пла-
кать.

8

Мы спички, промокшие спички из старого коробка,
Нас не сожгут и не выбросят, потому что жалко.
И мы сможем согреть только самих себя,
Прижавшись, друг к другу, лежа под одеялом.
Закрыв глаза, прислонившись щека к щеке,
И пусть нам снятся добрые, теплые сны.

Но, знаешь, нам будет намного теплей,
если мы с тобой просто сгорим.
Мы спички и нам суждено сгореть.
Но если я умру, то только в твоих объятьях.
Если гореть, то так что бы всех согреть,
И что бы ты улыбалась.
В кармане пальто так приятно плакать,
Прислонившись к картонной стене теплым лбом.
Я в сыром коробке промокший и жалкий,
Но мне спокойно ведь я знаю, что ты рядом со мной.
В одном коробке, под одним одеялом,
Среди мелочи и других не нужных вещей,
Пока я горел, ты мило так улыбалась,
Но я горел лишь секунду, а потом я медленно тлел.

В кармане пальто так приятно плакать,
А в луже никто не заметит слез,
Пока я горел, ты мило так улыбалась,
Но я горел лишь секунду, а потом меня убил дождь.

25

Рай это место бессилия.

Это место где я без сил полюбил тебя.

Это место где нет перспектив, никаких,

Ибо дальше нельзя, дальше просто тупик.

Рай это место покоя.

Это место где я спокоен, зная, что я не дома,

Зная, что я не там где я должен быть.

Но возможно, что рай это просто лишь миф.

Возможно, что рай это миг.

Просто миг между здесь и сейчас, потом и теперь,

Это время что было, но вот его больше нет.

Это просто момент между сном и попыткой встать,

Это пытка, пытаться тебя опять отыскать.

Это просто отрезок, не важно где он и был ли когда-то он.

Рай это место что сильно похоже на сон.

По-моему мы заигрались, потому что наша игра перерос-
ла в любовь,

А любовь обернулась в ненависть.

Но невозможно повернуть время вспять

И изменить то, что мы уже сделали.

Мы и так сыграли ни одну роль,

Были в главных ролях и на заднем плане,

Но единственное что нам осталось, это боль.

И чувство, что мы что-то здесь потеряли.

Мы потеряли, потеряли все что имели,

Потому что не ценили и уже не будем ценить,

А из крана по капле капает время,

Которое мы не сможем забыть.

И нам уже не станет лучше,

И хуже нам тоже уже не станет,

А я стою в одежде под теплым душем,

Пытаясь отмыть то, что мы потеряли.

Смывая с себя грязь в надежде снова стать белым,

Но понимаю, что белого света нет.

Ведь я стал таким же, как все серым,

Ведь я то же потерял все, что имел.

Мы потеряли, потеряли многое,

Себя, нас, наши чувства.

Забывать про это став серым облаком,

Чтобы было смешно, а не грустно.

И на рассвете просыпаясь от боли в своей пустой голове,

Понимаешь, что потерял что-то настолько ценное, ради чего раньше был готов умереть.

10

С деревьев падали желтые листья,
Они кружились как балерины на репетиции
Не умело и даже немного вяло,
А я смотрел на это все из окна своей спальни,
Холодной осенью две тысячи седьмого года.
Я пытался вспомнить твое лицо или хотя бы твой голос,
Но, к сожалению, память не дала это сделать, не позволила
вспомнить,

Как будто тебя не было, а был всего лишь обычный сон.
Обычный сон, который растаял с рассветом.
Обычный сон, который как лист сорванный ветром,
Умчался в даль, прочь с моих глаз.
Тебя не было, ты была всего лишь в моих мечтах.

12

Медленно пережевывая остатки своего завтра,
Я смотрел в окно на восходящее солнце.
Жаль, конечно, что ты не увидишь ничего более прекрас-
ного,
Ты, ставшая белым облаком.
Я смотрел из окна на плывущие облака,
что укутали город в белое покрывало,

и среди них я увидел твои глаза,
А может быть, мне только лишь показалось.

А облака плыли, и лучики солнца играли чуть ниже их живота,

Доставляя им неопишное наслаждение,
И облака тянулись к ним так же как к тебе я,
Как молодые подрастающие растения.

А по небу плыли облака,
Спускаясь на землю белым снегом,
Спускаясь к домам к твоим окнам,
Падая под ноги прохожих.

И люди наступали на них,
не замечая под своими ногами,
А облака поднимали их в высь,
Но они про это не знали.

А по небу плыли облака, падая белым снегом.
По небу летела моя душа,
Ставшая облаком белым.

Допивая остатки остывшего чая,
В бесполезно попытке согреться в холодной комнате.
Знаешь, сегодня утром я почувствовал себя как-то иначе,
Наверное, из-за простуды в своем сорванном горле.

А по небу плыли облака, безмятежные и спокойные как
никогда прежде,

И я растягивал это утро как дорогой коньяк, как те минуты, что мы провели с тобой вместе.

Медленно пережевывая остатки своего завтрака

Я смотрел в окно на восходящее солнце,

Жаль, конечно, что ты не увидишь ничего более прекрасного,

Ты ставшая белым облаком.

13

Я шел к тебе через чащу – ножками топ-топ,

Снег хрустел под изношенными сапогами.

Питался только снегом и талой водой,

потому что бутерброды кончились, и термос, сука, сломался.

Я принес тебе на ладонях снег, но он растаял, как только открылись двери.

Мне ни осталось ничего кроме, как глядя в глаза попросить у тебя прощенье.

За то, что я снова не трезв, не брит и одет не по моде,

За то, что закончились деньги, и все разговоры сводятся к прогнозу погоды.

А утром дети ждут подарки, спрятанные в коробке под елкой.

А я бы уснул в твоих объятья и никогда не проснулся,

Ведь у меня не настоящая борода и не проходит похмелье,

Дед Мороз творит чудеса, а я не могу остановить даже

мгновенье,

В котором мы, обнявшись с тобой, спим, спрятанные в
рваный плед.

Я бы хотел уснуть и не просыпаться пока не растает снег.

А утром дети ждут подарки, спрятанные в коробке под
елкой,

Вокруг меня в карнавальных костюмах пляшут они и сме-
ются,

А я закрываю глаза в надежде увидеть тебя в карнаваль-
ном платье,

Но к сожаленью за любовь к тебе мне никто не заплатит

26

В попытке обессмертить свою смерть,

Я стал бояться собственную тень.

Я стал страшиться жуткой темноты,

Вдруг в ней скрывается не зверь, а ты?

Я в зеркало с опаской стал смотреть.

В нем видно, как я сильно постарел.

В нем спрятан некто кто, кто мне не знаком.

Но кто спокойно входит ко мне в дом.

Кто волен даже мне повелевать:

Приказывать, хвалить меня, ругать.

Хоть в нем и спрятаны мои черты,

Я все же понимаю, это ты!

16

С какой скоростью мне надо жить, что бы увидеть тебя?

С какой скоростью я должен жить, что бы мы были вместе?

И пусть как раньше мимо мчат поезда,

Ведь я точно знаю, что в них тебя нет.

А вокруг меня люди, как грязные пятна чернил,

И в заголовках газет отсутствует твое имя,

Но я буду ждать тебя, ведь я не сказал, как сильно тебя любил.

Я буду ждать тебя, и пусть на это будет потрачена вечность.

А если бы я верил в чудо,

Если бы я как раньше верил в старых богов,

Я попросил бы их только об одном: что бы снова

Увидеть тебя. Что бы я остался с тобой.
Но в этом мире нет больше чудес,
Здесь мечты остаются всего лишь мечтами.
И поезда продолжают свой стремительный бег,
Увеличивая расстояние между нами.

Вчера вечером выпал снег.
И все были так рады.
а я вдруг вспомнила о тебе.
И представила, что ты сейчас здесь,
Со мной рядом.
И мы молча смотрели на снег,
А я боялась все время обернуться назад.
Потому что знала
Тебя там нет.
Я здесь одна.

А в нашем городе все как раньше.
И зимой по расписанию выпал снег.
Но знаешь для меня это уже не важно,
Ведь я точно знаю, что тебя в этом городе нет.
А поезда все так же бегут по рельсам,
Напоминая мне о забытом дне,
Но, знаешь, я теперь еще больше уверен,
Что не увижу тебя на той стороне.
А если бы одиночество было мне в тягость,

То кто угодно мог бы меня спасти.

Но не надо врать. Мы и так слишком долго вдали.

В этом мире мне нужна только ты.

И пускай в этом мире нет больше чудес,

И мечты остаются всего лишь мечтами,

Я все равно буду верить, что увижу тебя на той стороне,

Когда проедет последний вагон и поднимется вверх шлаг-

баум.

Мы написали друг другу тысячи писем,

Но не стали ближе даже на сантиметр.

А я хотела бы превратиться в птицу,

Что бы преодолеть расстояние и оказаться с тобой как прежде.

Но наши мечты остались в прошлом.

Нас разделяет тысяча километров.

И даже чудо нам уже не поможет,

Потому что нас больше нет.

18

У меня есть право на жизнь,

Мое право на последнее слово.

У меня есть право любить,

Любить тебя как никого другого.

У меня есть право ненавидеть,

Ненавидеть всех тех, кто ненавидит меня.

А еще у меня есть право простить,
Простить за все ошибки тебя.
И я прощаю, ненавижу, люблю и плачу,
Каждую ночь в подушку прячу
Свои слезы, в кулак, сжимая его до боли.
А все потому, что тебя нет рядом со мною.
Ты где то там, в другом городе,
Неизвестно с кем и как проводишь длинные ночи.
А я здесь, в пустой комнате,
В полном одиночестве.
Напротив меня телевизор, сломанный в хлам,
Старый диван, на котором сплю только один лишь я,
Телефон, который молчит уже целую вечность.
И тишина, которая лечит мою душу, так же как и калечит,
Своим молчанием на мои бесконечные вопросы,
Она просто смотрит, как я роняю свои слезы в подушку,
Кричу, хотя знаю, что никто не прейдет мне на помощь.
Со мной только лишь тишина. Нас двое.
Но мне кажется, что для меня и этого много.

20

Представьте себе картину:
Двое. Он и она. Мальчик и девочка.
Одни в этом безумном мире.
Между ними расстояние: километры, мили.
И одиночество в пустынной квартире.

Между нами стена, океан, города и море.

Между нами километры пространства, между нами открытый космос.

И мы летим с тобой как кометы, что не встретятся никогда.

Между нами стена, между нами пропасть, между мной и тобой пустота.

Мы две параллельные прямые,

Которым не суждено встретиться в одной точке.

Мы два разных непохожих мира,

Но почету нас манит друг к другу на протяжении жизни.

И я искал тебя, но где бы я не был,

Я опаздывал на один шаг.

Против нас весь этот мир, вся эта планета.

Между мной и тобой стена.

Мы два мира,

разделённых временем и пространством.

Мы две вселенных,

расположенных в разных концах звёздной карты.

И мы не сможем встретиться, даже увидеть друг друга.

Но в нас есть магнит, которые тянут, но между нами стена и она не дает нам столкнуться.

И мы летим, наталкиваясь на нее, бьемся в закрытые двери.

Но нас пружиной расталкивает, разбрасывая по разным частям вселенной.

А мы как слепые идем на ощупь, к долгожданной встрече которой не суждено быть.

Мы два мира лишённых счастья быть вместе, лишённых права любить.

22

В моей душе зима, в моей душе метет буря.

Я простужен и, знаешь, может нам будет лучше,

Оставить все в прошлом,

Не мешать с грязью, ложью пошлой,

Я один, ты одна.

До свиданья лето, здравствуй зима.

В моей душе зима, под моими ногами снег.

тебя нет рядом, да и меня то же здесь нет.

А я всего лишь, тень отражение в зеркале,

Побитое временем, покрытое пылью.

Видишь меня? Нет. Я то же себя не вижу.

Я не слышу свой голос, перестаю чувствовать, наблюдать,
любить.

В моей душе зима, а весны может уже не быть.

В моей душе зима, в моей душе метет буря.

Я простужен, иду по сугробам, а не по лужам.

На ветках замерзшие воробьи,

В моей душе зима, там нет больше любви.

Той, которая была раньше.
Мы больше не дети, мы стали старше.
Мы разучились любить, по-детски искренни.
На ветках лежит иней, он заменил собой листья.
А я жгу письма, написанные от руки,
Посвященные той, которую когда-то любил,
Но любовь ушла, оставив в душе белые хлопья снега.
В моей душе зима в ней нет больше лета.

23

Ещё один лист сгорел в пламя костра.

Ещё одна строчка о любви и печали.

Сгорела дотла и отправилась ввысь в облака,

Став пеплом, который мы не замечаем.

Ещё один лист а за ним вся тетрадь

Сгорела!! Плевать мне не жалко.

Ещё напишу только лживая вышла слеза

По щеке на прогулку.

Пылали стихи, крича в адской пасти костра,

Стонали от боли, взмывая до самого неба,

А вниз оседали как пепел после огня.

И с болью, что их никогда не заметят.

А я всё кидал всё быстрее и быстрее

Костёр полыхает как адское пламя.

И только слеза скользила по правой щеке,

Говоря о великой утрате.

Не дрогнет рука что писала ночами,

И мозг не даёт ей команды отбой.

Лишь только внутри кто-то тихонечко плачет

Как-будто это его сейчас кидали в огонь.

Ещё один лист.

Ещё одна строчка о любви и печали,

О боли и смерти и о забытой войне.

Сгорят!! Заживут в душе раны.

Лишь только она никогда не вернётся ко мне.

СГОРАЙ!!!!!!!!!!!!

СГОРАЙ!!!!!!!!!!!!

СГООООРААААААААААЙ!!!!!!!!!!!!

Сгорай!! Гори, полыхай!!!

Сгорай!! Дотла, до последней строчки!!

Сгорай!! Ведь ты мне уже не нужна!!

Слышишь?! Ты не нужна мне больше!!!

Не испытал ни одной эмоции.

Это все произошло позже.

Ночью.

Тихой, темной ночью.

Когда на небе не горело ни одной звезды,

А с улицы не доносилось ни одного звука.

Тихой, темной ночью.

Когда я внезапно проснулся, то испытал острую боль в области сердца.

Ведь все свою жизнь я жил только ради нее.

Я жил ради тебя!!!

А теперь тебя нет.

И мне не с кем ее делить.

Мне не с кем делить мои мысли, мечты, идеи.

Она не нужна мне больше.

Без тебя.

14

ящички отзывались металлическим эхо,

Голоса превратились в бессмысленный гул.

Меня окружают люди помешанные на своем эго,

а нас с тобой снова разделят, разорвут

по кускам и разбросают между домами,

моим телом накормят червей и подвальных крыс.

Контролеры не пустят в вагон, и нет шанса попрощаться нормально.

Нет шанса обнять друг друга, простить.
Нас снова делят тебя направо, а мне налево.
Назад нельзя и вперед пути то же нет.
Давай сбежим подальше от этой планеты,
Туда где нас никто не найдет.
В газете слова блеклые без вкуса и цвета,
А я люблю, когда они плачут или кричат,
Нас заставляют молчать, пока мы едем,
От станции к станции, а затем снова назад.
Нас разделяет спинка кресел, одежда на теле,
Инеродный объект между мной и тобой.
Еще один день и мы точно свалим с этой планеты,
А пока давай просто ходим в кино.

15

Мое сердце всегда отстает от твоего,
Стрелки моих часов остановились где-то на полночи.
Поэтому лучше не выходить из кино,
Особенно когда оно кончится.
Когда включают свет, в зале кончится сказка,
И начнется наша обычная жизнь.
Та, от которой мы так долго бежали,
Но как не старались все ж не смогли уйти.
Нас встретит улица и ночной город,
Перекрестив двери, похлопают нас по плечам,
Вахтер протянет вещи и с улыбкой напомним,
О том, что выход из помещения находится там.

Конец фильма это как выход из комы,
Сердце бьется, операция прошла успешно.
Но почему-то на улице чувствуешь себя обреченным
И обиженным за то, что кто-то другой займет твое место.
Люди, которых мы видели в фильме, они такие же,
Только лучше одеты.
Поэтому не удивляйся когда на улице
Мальчик укажет пальцем и скажет, что ты раздета.
Ведь наша жизнь, ты же знаешь, это не сказка.
В принципе и их жизнь то же.
Просто у них более удачный сценарий,
А у нас с тобой его просто нет.
Но, знаешь, может быть однажды,
Наша дочь, а может быть сын,
Скажут нам спасибо за этот прекрасный фильм.
И может быть ты плохая актриса,
А я плохой режиссер.
И у нашего фильма нет смысла,
И вообще мы сняли плохое кино.
Но, знаешь, пока есть зритель,
Пока он смотрит на нас из зала,
Мы будем с тобой играть,
Смеяться и улыбаться.
И когда на экране появятся титры,
С нашими именами,
Этот зал взорвут аплодисменты,

А передние кресла слезами.
И когда мы выйдем на сцену,
Для подведения финальной черты.....
А помнишь раньше на этом месте,
вместе с тобою сидели мы?

30

В моей ладони сжата твоя рука,
Мы по осколкам стекла идем не спеша.
Мы с тобой не спеша идем по самому дну.
Извини, что тебя за собой я тяну.
Кроме нас здесь нет ничего даже страха.
Мы недолго пройдемся и сразу вернемся обратно.
Но вернемся другими, внутри нас теперь живет темнота.
Но за то мы точно знаем, что нет ни верха, ни дна.
Помнишь в Библии Иисус ходил по воде,
Он гулял, не боясь оказаться на самом дне.
И мы так же только не над а под.
Не волнуйся, здесь то же есть кислород.
Если нет дна, нет неба.
Если нет тьмы, нет света.
Если нет зла, нет добра.
Больше нет ничего – пустота.

11

Нам больше некуда убегать, да и хватит уже, наверное.

Сколько можно искать выход, стучаться в закрытые двери.
Искать ответы на вопросы, что были давно потеряны.

Все равно мы одни в этом мире, точнее вселенной, точнее
квартире.

А выход всегда один, разбегайся и прыгай в окно,
Головой о стекло, полетим как птицы.

Нас никто не увидит, а если все же заметит, то скажет:
«Какие красивые листья».

Ты плюс, я плюс, они минус.

Ведь у них нет ни лиц, ни крыльев.

И мы с тобой полетим как птицы,

А они, они просто зависнут как листья.

Я минус, ты плюс, они плюс.

Вы летите, а я опять остаюсь,

Желтый лист, вмятый в грязь под ногами...

Просто минус и плюс поменялись местами.

17

Из города в город до потери пульса,

Ездить по городам продавая своё искусство,

Продавая свою душу как Иуда Христа.

Выступая по дымным барам и кабакам.

Я раньше мечтал путешествовать по белу свету,

Женщин доводить до слез, мужчин доводить до истерик.

Срывать с их лиц маски, говоря: "Ага! Вот какое у вас
нутро!"

Но я так устал встречать рассвет на вокзалах или в метро.

Я так устал ездить по бескрайним дорогам Руси.

Дома ждут жена и дети, а ты все так же в пути.

А ты все так же в дороги с вечера до утра:

Засыпая в дешевых вагонах, на вокзалах и в кабаках.

Пора бы уже прибиться к причалу, прекратить спорить с
массой.

Сколько не срывай с них масок, под маской будет ещё одна
маска.

Сколько не смывай с лица грим,

там все так же печальный мим.

Там все так же все тот же печальный певец,

Мечтающий найти свой причал, наконец.

Добраться до дома, упасть в объятия жены.

Утонуть в глазах сына и больше не уходить.

Но утром снова вокзал, вагон, белье, тёплый чай,

И одна слово по смски: "прощай"

Мечты сбываются и это до боли печально.

Твои цели давно изменились, а они такие же, как изначально.

У тебя дома дети, жена, семья,

Но только ты неними, сегодня, завтра, вчера.

Из города в город, по бескрайним дорогам Руси.

Тебя по прежнему ждут, а ты все так же в пути.

Где я только не был и каким я только не стал.

Но все дороги ведут не в Рим, они ведут на вокзал.

Все дороги сходятся там, где встречаются поезда.

«Со второго пути отправляется Челябинск – Курган».

19

Смысл всего бытияЯ,

в наличие буквы Я.

В наличие места, где Я может быть:

Стоять, сидеть, упасть, отжимаясь от пола.

В наличие стула, стола,

Эта комната для существования буквы Я.

Пол, потолок, четыре стены и окно для изучения мира,

Что бы найти Её,

Что бы создать бытиё,

Из которого Я перерождается в Мы.

Мы вместе рождаем слова: жених и невеста.

Муж и жена, спрятавшись под покровом ночи, под теплым

пледом.

В долгом процессе рождают еще одно Я.

Но здесь нет уже бытияЯ.

Это семья,
то есть семья,
Что надежно заложено в землю,
Из которой произрастает прекрасный цветок.
Север, запад, восток
И юг пришли преклониться,
Перед рождением нового мира.
Бесконечно прекрасного мира.

4

И вот Адам в сотый раз переступает порог.
Порог дома, в котором он был взращен.
Не рожден, но создан во чреве Бога.
Во чреве, которое всех нас исторгло.
А за ним по пятам с опаской оглядываясь по сторонам
Идет Ева, жена, несмотря на то, что не она была первой.
И они идут, держа друг друга за руку.
Идут на ощупь, молча, идут по кругу.
Каждый день, рождаясь и умирая ночью,
Играют в игру, которую им никогда не закончить.
А за ними смотрит, а точнее следит,
Со стороны,
С высоты,
С ветки дуба
Он,
Неизменный, вечный и мудрый.

Тот, которого им познать не дано
И не надо.
Ведь он-то знает, что он здесь один.
А вы это знали?

Люди идут от Бога, а я к нему.
Несмотря, что его нет дома, я все равно иду.
Поднимаюсь по лестнице, нажимаю на кнопку звонка.
Но мне как обычно ответит лишь тишина.
И я рад, достаю ключи, вставляю в замочную щель.
Поворот, другой, и я отпираю дверь.
И вот он я, в жилище творца мироздания,
Но здесь нет никого, только я, и мое сознание.

28

Есть два пути: к свету и от него.

Но в любом случае идти придётся по нему, от, к и до.

Из всех возможных вариантов развития и их причин,

Ты выберешь только тот, что внутри заложен и громко
кричит,

Да так, что уши закладывает и ломит виски.

Не бойся идти. Ведь до тебя здесь не однократно уже прошли.

И все то, что ты испытываешь здесь впервые,

Это все много раз пройдут и уже проходили.

Поэтому не бойся примирять образ Адама:

Вот запретный плод, твоя Ева и врата райского сада.

И ты как он стоишь в нерешительности, взвалив на плечи не виданный груз.

Не бойся трудностей, они только поддержат твой пульс.

Так что смело иди, проходя уже ранее пройденный путь по-другому,

Ведь у тебя есть твой личный опыт, которого не было у другого.

Есть два пути: от света и к свету.

И неважно от, к и до, ты идёшь по нему собирая ответы.

И неважно до, от и к чему он направлен.

Ты идёшь по нему, не смотря, что ты выбираешь.

Не взирая на путь, не смотря на свою дорогу,

Куда ты идёшь, от Бога или возвращаешь к Богу.

В любом случае по свету не важно куда.

И только тени, точнее Тень одна убегает вперёд тебя.

29.

Я научился писать слово Бог с большой буквы также как слово Я.

Я научился любить этот мир, а не только себя.

Я научился! Спасибо вам всем за урок.

Моя злоба останется в сердце, а вам я отдам любовь.

Я знаю, что Бог есть любовь,

Ибо в любви познается весь спектр человеческих чувств

От ненависти, до блаженства,

От рая, до ада.

Я знаю, что Бог есть любовь,

Любовь к женщине, матери,

Родине, сыну, Богу!

Любовь неподдельная, истинная и непостижимая в этом мире!

Любовь способная низвергнуть в пучину и поднять в небеса,

Любовь что доятся единожды и навсегда.